

УРОКИ БУДУЩЕГО

Мечтая о реализации спасительной идеи «нация — армия», мы должны в первую очередь осознать, что каждая армянская семья — это поистине настоящее боевое подразделение.

Гарегин Нжде

В медицинский институт я поступил после демобилизации. Учитывая, что тогда на флоте служили четыре года, разница в возрасте между мной и абсолютным большинством моих сокурсников была четыре-пять лет. Но это были не просто банальные студенческие годы. Подумать только: морскую форму надел сразу после смерти Сталина, а в институт поступил в 1957 году, спустя полтора года после XX съезда КПСС. Так что с однокурсниками мы были людьми разных поколений. По крайней мере, я уже знал, что в огромной стране репрессировали и уничтожали не только миллионы людей, но и науку. Долгие годы мы пользовались учебниками и словарями, в которых генетика и кибернетика обозначались как «лженаука». А вот о том, что в мире существует такая наука, как социология, вообще мало кто знал. Лишь потом, не то на втором, не то на третьем курсе, преподаватели кафедры марксизма-ленинизма в своих лекциях отмечали, что есть «буржуазная социология» и противостоящая ей «марксистско-ленинская», которая, «опираясь на принципы партийности и историзма, служит познанию и революционному преобразованию мира, развитию и обновлению социалистического общества».

К концу учебы вроде бы постепенно нивелировалась разница в возрасте между теми, кто поступил в институт после демобилизации, и теми, кто — сразу по окончании школы. Нас сравнивали «революционные идеи», столь присущие студенчеству. Невольно тебя будут обуревать революционные мысли, если в октябре 1961 года с трибуны XXII съезда Никита Сергеевич Хрущев громко провозгласит: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!», а летом следующего года он же, обращаясь к народу, самолично признается, что «государство вынуждено идти на подорожание хлеба и мяса!» И что «мера эта временная». Как сейчас помню, именно тогда в студенческих кругах то и

дело можно было слышать довольно оригинальные, очень даже свежие мысли о том, что пока у нас не будет действующей, можно даже сказать, прикладной науки социологии, страна не выйдет из ямы. Так что термин «яма» существовал всегда.

Правда, никто толком не знал, что это такое — «социология» и с чем ее едят. Хотя уже в конце 50-х и начале 60-х многие были наслышаны о знаменитом институте Гэллапа, который был основан в США в 1935 г. (я лично запомнил дату эту потому, что она совпадала с годом моего рождения) для изучения общественного мнения. Мудрый был человек этот Джордж Гэллап. Он зарабатывал большие деньги не только потому, что во время президентской предвыборной кампании давал всегда точные прогнозы, но и потому, что спасал предпринимателей от банкротства и краха благодаря тому, что точно определял соотношение незыблемой формулы «спроса и предложения».

То, о чем мы, «дети XX съезда» и «шестидесятники», мечтали, свершилось в середине 80-х. Уже в разгар перестройки все, кому не лень, создавали социологические центры, офисы, лаборатории, службы, целые институты. А после распада СССР они выростали, как грибы после дождя, ничуть не подозревая, что социология — это серьезная и довольно сложная наука. Новоявленные «специалисты» всю ее сводили к примитивному составлению примитивных анкет со столь же примитивными вопросами на заданную тему. Конечно, наипервейшей задачей подобного рода «исследователей» являлось обнародование результатов своих так называемых опросов. А продолжающие верить печатному слову наивные читатели воспринимали цифры и комментарии любых социологов как бесспорные данные науки. Почему-то, особенно на постсоветском пространстве, наиболее популярным с самого начала «демократизации» общества стал комплекс вопросов, вбирающих в себя «семью», «брак», «секс», «развод» и «схожие звенья единой цепи» (П. Воробьева).

Вот некоторые вопросы социологических анкет: «Как вы относитесь к регистрации брака?», есть и другой вариант вопроса: «Является ли обязательной для создания семьи регистрация брака в ЗАГСе?»; «Как вы относитесь к гражданскому браку?» В последнее время «социологи» уже не тратят времени и средств на распространение анкет среди населения. Всю работу они проводят через телевидение в различных программах, где спрашивают у молодежи, как она относится, скажем, к регистрации брака между однополыми людьми? Считают ли обязательным для себя, чтобы невеста была девственницей? Есть вопросы, ко-

торые я не могу позволить себе приводить здесь в качестве примера. Уж лучше напомнить одну историю, о которой я поведал читателю в конце 70-х, когда сразу после подписания Хельсинкских соглашений начался хотя еще не бурный, но уже сильный поток эмиграции из Армении. В основном это были соотечественники второго-третьего поколения репатриантов, переехавших в Советскую Армению в 1946 году. И вот среди них была семья бывших мусалерцев, выросших в Советской Армении. Она переехала к родственникам в Лос-Анджелес. А через четыре года, после того как они обустроились там, отец семейства пригласил свою мать навестить внуков. Дедушка умер в год отъезда сына с семьей. В день приезда бабушки ее сын собрал у себя дома много народу. Произносили громкие тосты, пили за здоровье бабушки и в ее лице — всех матерей как хранительниц очагов. Поначалу не было предела семейному счастью. Достаток. Уют. Машины. Бабушку больше всего изумляло чудо из чудес — крохотный домашний кинотеатр — видеоманитофон. Достаточно было ввести в маленький ящик коробочку размером меньше книги, чтобы, сидя в кресле, смотреть фильм на телеэкране.

У бабушки было двое внуков — мальчик двенадцати лет и девочка лет десяти. Поначалу она очень радовалась тому, что дети не шалят, не носятся как угорелые, а тихо сидят у телевизора и смотрят всякие там мультики, играют в странные телеигры. Но однажды старушка из кухни вошла в детскую комнату и замерла на месте, словно ее ударило электрическим током. Она громко вскрикнула и упала замертво. Внуки ничего не поняли и, хохоча, продолжали смотреть фильм.

Через час вернулись отец с матерью. Они обнаружили бездыханную бабушку, лежащую на полу, и детей, продолжающих смотреть фильм. Лишь потом отец, хозяин дома узнал, что мать громко вскрикнула и упала на пол. Он понял и саму причину смерти матери, сердце которой разорвалось, как мина — дети смотрели фильм «Калигула». Бедная армянка, воспитанная в патриархальной семье героических мусалерцев, думаю, умерла не от того, что увидела на экране оргии с коллективным сексом, а от сознания того, что ее внуки, оказывается, часами смотрят на то, что «уму непостижимо». Нет сомнения, что несчастная бабушка не менее несчастных внуков так и подумала: «Уму непостижимо».

А между тем в анкетах горе-социологов можно встретить вопросы и такого рода: «Не считаете ли вы, что в семьях, где воспитанием малышей занимаются дедушки и бабушки, внуки отстают от тех своих сверстников, которые находятся на попе-

чений только у родителей?» И такая, оказывается, может быть постановка вопроса. Создается впечатление, что какие-то дьяволы от социологии, стоворившись, поставили цель разрушить Семью и Домострой.

Идет передача. Битком набитый зал телестудии и еще миллионы зрителей, расположившиеся у голубых экранов. Экспертом по проблемам «семьи и брака» выступает «специалист», который весь нашпигован и нафарширован данными социологических исследований. Вот он (чаще она) шпарит цифры самодовольным тоном, не терпящим возражения. Он (чаще она) все знает. Знает, что пятьдесят процентов опрошенных не любят своего мужа (свою жену), но живут и терпят друг друга из-за детей. Что семьдесят процентов супругов страдают сексуальной неудовлетворенностью и половой слабостью, а посему измена — это «логическое спасение». Сорок процентов жен не желают стирать мужьям сорочки, а шестьдесят процентов — белье и носки. Приводят примеры из французской жизни, словно речь идет об эталоне метра. Мол, ничего страшного не происходит же во Франции, которая процветает, несмотря на обилие ранних половых связей, измен, разводов, гражданских браков и на скептическое, «критическое» отношение к самому институту традиционной семьи. При этом «специалисты» часто ссылаются на литературные образы, созданные Мопассаном.

Ну, во-первых, именно во Франции наиболее строго относятся к «институту традиционной семьи». Во-вторых, вся философия Ги де Мопассана сводится к противопоставлению правды естественных чувств человека лживой морали и духовному убожеству с его ханжеством. И вообще не может быть, чтобы настоящий писатель с Божьей искрой не видел в крепкой семье устоев своей страны, своего государства. Вспомним еще раз подвиг французских женщин, которые в начале XIX века в Канаде объявили настоящий бой англичанам, спасая свой народ. Об этой уникальной истории я писал много раз. Это было в то время, когда многочисленные англоканадцы притесняли малочисленных франкоканадцев вплоть до того, что не позволяли им говорить на родном языке. И тогда французские женщины решили нарожать не менее чем по десять детей. В патриотической французской литературе того периода, которой так гордился Ги де Мопассан, явление это получило название «реванш колыбелями». Тогда же француженки объявили заодно и «бой разводу», считая его «национальным злом». И франкоканадцы победили.

Так что социологам, особенно армянским, не мешало бы в качестве примера вспомнить именно французских женщин, спасших свой народ «реваншем колыбелями», или «материнским подвигом». Это нужно особенно сейчас, когда рождаемость у нас упала почти втрое по сравнению с восьмидесятыми годами, а количество разводов возросло не почти, а ровно в три раза.

В 1989 году рождаемость в Армении составляла около 80 тысяч человек. Из них 45 тысяч родились в сельской местности, 35 тысяч — в городах. В 2000 году всего в республике было 34,3 тысячи рождений. Из них 64 (!) процента — в городе. Можно было бы на этот показатель посмотреть без тревоги, если бы не бурный рост числа разводов именно в городе. Если в конце 80-х годов количество разводов составляло около пяти процентов, то в 2000 году — более пятнадцати процентов. Из них около 75 процентов среди городского населения. Можно было бы и на эти показатели смотреть сквозь пальцы, считая, что они являются зеркалом так называемой демократии, при которой денно и нощно идет вульгарная и циничная пропаганда «рабства греха и собственных страстей» (священник Месроп Арамян). Однако невозможно равнодушно созерцать чудовищный, беспрецедентный для нашей истории и действительности факт, когда и без того при резком падении общей рождаемости около пятнадцати процентов составляют внебрачные дети.

Чем только мы сегодня не занимаемся: либерализацией, демократизацией, европеизацией, какой-то, простите, «социологической» мастурбацией, мудреными, несомненно, очень важными для прогресса «валовыми добавленными стоимостями», «налогами на добавленную стоимость», бесценными процентами «валового внутреннего продукта», подгонкой своей Конституции, своих обрядов, своих традиций под «европейский стандарт» (Ах! Ах! Ах!), и при этом не замечаем, что под шумок до основания разрушается даже не собственный дом, а спасительный традиционный Домострой. Я написал статью о том, что официальные учреждения вовлечены в бизнес проституции, попрошайничества, наркомании. И ни звука, ни буквы о соответствующих шагах, предпринимаемых государственными институтами. А ведь эти проблемы в первую голову рушат семьи, без которых, по выражению католика всех армян Мкртича 1 Ванеци (Хримяна Айрика) «ни за что бы не сохранилась в веках наша нация, лишившаяся государственности».

Надо быть слепым, глухим и лишенным чувства беспокойства за завтрашний день, чтобы не видеть, не слышать, не чувст-

воват, как с каждой разрушенной семьей ослабевают устои нации, народа, армии, государства. Философ не для красного словца провозгласил формулу: «Семья — один из шедевров природы». Вся Библия — это гимн морально устойчивой семье, верности супругов, любви к родителям и детям. Не нами, простыми смертными, сказано, а — самим «певцом семьи» Виктором Гюго, который, как известно, прекрасно знал историю армянской трагедии: «Всякая социальная доктрина, пытающаяся разрушить семью, негодна, кроме того, неприменима. Семья — это кристалл общества». Мне думается, величайший пророк Аристотель имел в виду и нас тоже, когда своему ученику, будущему полководцу Александру Македонскому внушил бесценную стратегическую мысль: «От крепости и целостности каждой семьи зависит безопасность всего государства».

Напомню читателю об архиважной арифметике, связанной с эмиграцией.

В советское время в Армении насчитывалось около 600 тысяч семей. Почти треть населения эмигрировала. Казалось, согласно арифметике, должно было остаться примерно четыреста тысяч очагов, так называемых дымов. Однако исследования показали, что в Армении «дым поднимается» из более чем 560 тысяч очагов (в стародавние времена демографы количество семей определяли термином «дым»). Ведь один миллион уехавших — это около 200 тысяч семей. И вдруг осталось 560 тысяч семей. Об этом парадоксе я не раз писал, но сейчас вопрос стоит иначе. Нетрудно догадаться, что речь идет о «качестве» эмигрировавших. В основном это молодежь репродуктивного (детородного) возраста. Так что у многих дым поднимается от очага дедушек и бабушек. Словом, тридцать три процента очагов в Армении трудно назвать семьями в классическом, что ли, смысле слова. Ибо в них доживают свой век старики (чаще всего одинокие), которые общаются по телефону с внуками, говорящими уже (согласно статистике) по-русски и по-английски. Так что в Армении сегодня живет всего около четырехсот тысяч семей, в которых есть дети. При этом, увы, в школах старшеклассников больше, чем учащихся начальных классов.

И глядя на среднестатистический портрет армянской семьи, нетрудно представить, какова будет картина завтрашнего дня, имея в виду армию, образование, науку, экономику и, конечно, культуру.

В создавшейся поистине драматической ситуации мы не можем не думать о каждой без исключения семье, живущей в

Армении. В этой связи дальнейшая какая-то бешеная урбанизация и особенно некая сумасшедшая «ереванизация» менталитета общества могут привести страну к социальной катастрофе. Множество раз повторялось, не грех еще раз напомнить, что традиции нации, или, если угодно, национальные традиции сохраняются в основном в селе. И напротив, больше всего и чаще всего опошляются и разрушаются в городе. Как только не называют семью: и «ячейкой общества», и «краеугольным камнем государства», и «казармой народной армии». Не случайно философ Артур Шопенгауэр упорно шел к истине, которая гласит: «создать семью — это значит не только наполовину уменьшить свои права, но и ровно вдвое увеличить свои обязанности». Поистине перед семьей поставлена задача стратегическая. И вдруг с преступным равнодушием смотрим на то, как увеличивается число разводов и внебрачных детей. Никакой государственной программы. Словно будущее народа и страны — это только проблема самого будущего.

К более чем шести тысячам сирот, чьи отцы погибли на Арцахском фронте, ежегодно прибавляется примерно столько же детей (без отцов) в родильных домах. В мирное время. Многие из них в будущем составят контингент правонарушителей среди несовершеннолетних. Рука не поднимается писать (вернее, приводить данные из «Статистического ежегодника Южно-Кавказских стран») о том, что более 10 процентов из всех осужденных за совершение преступлений в Армении составляют женщины и несовершеннолетние. А ведь общие показатели сами по себе более чем тревожные: 12 тысяч зарегистрированных преступлений. Около 7 тысяч осужденных. Практически семь тысяч семей. И так каждый год. За десять лет 70 тысяч осужденных. Это же 70 тысяч семей! И из этих семидесяти тысяч семей никто (братья, сестры, даже племянники осужденных) по закону до конца своей жизни не имеют права работать в полиции, Национальной безопасности, прокуратуре, суде, на государственной и другой чиновничьей службе. Они прокаженные, неприкасаемые.

Откуда такое чудовищное количество преступлений? В 2000 году в Армении зарегистрированы 31,7 тысяч родившихся детей и в том же году зафиксированы ровно 12 тысяч преступлений. Знаете, уважаемый читатель, почему мы так патологически спокойно, я бы сказал, оправдательно относимся к такой поистине национальной трагедии? Оказывается, потому, что в Грузии, в регионах России и в каком-нибудь отдельно взятом Гарлеме в

процентном отношении преступлений совершается еще больше. Если такая философия, исходящая из страусовой политики, нас может успокоить, то мы просто обречены. Кстати, из 12 тысяч соотечественников, совершивших преступления, примерно половина попадает на скамью подсудимых, вернее, отправляется, как говорится, в «места не столь отдаленные». Остальные освобождаются, думаю, не за красивые глаза. Какое раздолье для судей (речь идет о нечестных судьях), особенно в условиях все еще продолжающейся судебной реформы, когда практически сошел на нет институт прокурорского надзора и когда решение судей никто не может отменить. Учитывая, что тема, которую я сегодня пытаюсь раскрыть, касается вопросов семьи, я приведу всего один пример. Две семьи. Их главы — двоюродные братья. У них матери — родные сестры. Одна общая бабушка. Их дома расположены не только по соседству, но и имеют общую стену. От замыкания электрической сети пожар нанес ущерб одному из братьев. Поначалу они не смогли найти точек примирения. Речь шла исключительно о сумме возмещения. В таких случаях у нашего народа исстари повелось: всем миром собирают средства и помогают погорельцу. Будем считать, что времена изменились. Изменились люди. Братья тоже, оказывается, изменились. Но самое страшное, что судьи (будем считать, «некоторые судьи») не просто изменились, а очень изменились. В тот самый момент, когда братья, помня, наверное, что они все-таки братья, что у них одна на двоих бабушка, решили-таки пойти на мирное решение вопроса, судья, который, казалось, по долгу службы и совести должен был примирить их, подлил масло в огонь тлеющего пожара.

А сколько таких семей, связанных не только узами общих бабушек и дедушек, но и родных матерей, становятся врагами из-за нечестного и несправедливого распределения земельных участков, благотворительной помощи, воды для орошения! Исподволь зарождающаяся вражда между братьями, родственниками автоматически перерастает во вражду между их детьми. Вот и разгораются то тут, то там сплошные шекспировские страсти, элементы гражданской войны.

От деда своего я часто слышал о том, что на селе всегда была одна практически непоправимая проблема — это когда в семье мало детей. И дело не только в том, что в многодетных семьях легче и удобнее осуществлять процесс разделения труда, ведения домашнего хозяйства. Дело в философии, психологии, любви, во взаимовыручке и «взаимовоспитании». В конечном

итоге — в счастье. Разумеется, проклятая урбанизация сегодня привела к тому, что армянин не только сам не хочет иметь более двух детей, но и цинично иронизирует по поводу «матерей-героинь». Помнится, в 70-х годах в «Литературной газете» известная журналистка Лора Великанова опубликовала серию статей о многодетных семьях. В одной из них писала, как какая-то «богемная» женщина, не скрывая иронии, спросила многодетную мать: «Вот ты день и ночь возишься с детьми, моешь их, обстирываешь, а знаешь ли, как пахнут духи «Шанель номер 5»?» На что мать-героиня ответила, не задумываясь: «А знаешь ли ты, как пахнет за ушком у крохотного малыша?» Не скрою, впоследствии, наслаждаясь ароматом, который я ощущал за ушками моих детей, а теперь уже и внуков, всякий раз благодарно вспоминал ту легендарную для меня женщину, героиню газетного очерка.

Тогда хоть как-то государство задумывалось над судьбами семей, была государственная программа охраны матери и ребенка, налог с бездетных для передачи в виде льгот тем, у кого есть малыши до определенного возраста. Не говоря уже о бесплатном лечении, детских пансионатах, пионерских лагерях и всем таком прочем. Сегодня, как уже говорилось, многое изменилось. Сегодня под любую семейную программу нужны деньги, которых нет. Все та же песня об объективных причинах, о переходном периоде, о блокаде, о нескончаемых перестрелках в приграничных районах, о расколе в обществе. И все же, если бы даже речь шла о предсмертных судорогах, тем более, кровь из носу, нам нужна государственная программа охраны семьи. Особенно молодой, делающей первые шаги. Сегодня, как никогда, всем миром мы должны повернуться лицом к армянской матери, именем которой назвал наш народ самое дорогое и самое стратегическое, что у него есть, — свой родной язык. Только у нас в школах дети изучают не родной язык, не родную речь, даже — не армянский язык, а «материнский язык».

И вдруг, обретя независимость, стремглав войдя в «демократическую» Европу, ратуя за общечеловеческие ценности, спокойно смотрим на то, как увеличивается число разводов, число внебрачных детей, число так называемых гражданских браков, число абортотворений. При этом за любым столом только и знаем, что поднимаем тост за матерей — «хранительниц очагов».

Каждый раз в таком случае я невольно вспоминаю историю все той же мусалерской бабушки, воспитанной в патриархаль-

ной армянской семье. Увы, драматическая эта история имела свое трагическое продолжение, о чем я писал спустя годы. Внуки ее, по сути воспитанные зловещим телевидением и равнодушной чужбиной, пристрастились к наркотикам и вскоре оказались за тюремной решеткой. Их навещал только евангелистский священник, ибо мать их умерла от неизлечимой болезни, отец потерял рассудок. Едва возродившееся после 1915 года мусалерское генеалогическое древо вновь зачахло и, кажется, окончательно погибло. А ведь если призадуматься, трагедия-то началась с того, что дедушку и бабушку вдруг разлучили с внуками. Отец незадачливых детей так и не понял, что неожиданная смерть его матери была не случайной. Бабушка его малышкой своей смертью словно била в набат, напоминая, что в дом уже пришла беда. Сын не понимал, что дети его, лишившись естественного и предусмотренного природой надзора, жили припеваючи в «царстве своеволия». Автор этого удивительного словосочетания философ Гераклит Эфесский предупреждал человечество еще в VI веке до нашей эры: «Своеволие детей следует гасить скорее, чем пожар», помня при этом, что дети — это будущие судьи и критики родителей. Это он также предупреждал, что «в одну реку нельзя войти дважды», имея в виду независимость государства, что «раздор есть отец всего».

Для меня та мусалерская бабушка была воплощением жертвенности. Своей смертью она хотела дать понять сыну, что так не воспитывают детей. Что семья — это святость. Как мать, она, наверное, осознавала, что жертвенность — самое явное доказательство любви, что каждый добрый и героический поступок — в конечном итоге тоже жертва, которая никогда не бывает напрасной. Ее сердце не выдержало осязаемого страха перед трагической судьбой своих внуков, своей семьи.

В смерти этой святой и хрупкой женщины я видел для нас, для всех уроки будущего, которые, как утверждали наши предки, заключаются в осмыслении прошлого, прошедшего. Государство, не способное действительно и на законодательной основе осмыслить прошлое, крепить семьи, беречь институт бабушек и дедушек, обречено на бесславие. Об этом должны в первую очередь программно помнить и думать президент и Национальное собрание республики.